

Ольга Бойко

ВСЯКИЕ
РАЗНЫЕ
СЧАСТЛИВЫЕ
ЛЮДИ

Новеллы о жизни разных героев, милых и нелепых, в которых запросто можно узнать или соседку, или коллегу, или же себя самого. Истории об обыкновенной человеческой жизни, порой трогательные, порой весёлые, всегда искренние, сдобренные колоритом средиземноморья и любовью автора к морю, солнцу и к людям.

Ольга Бойко

ВСЯКИЕ РАЗНЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Они любили сангрию и друг друга

У них не было детей. А парочка о пелёнках только и мечтала — и он, и она. Тем не менее, у абсолютно здоровых Зоэ и Шавьера ничего не выходило, доктора только и могли, что разводить руками.

Но молодые верили, тем более, надежда сама к ним прибилась: несколько дней сидела у двери черного входа, пока не впустили. «Это Сперанца! — так представила мужу лопухую собаку неизвестной породы тем вечером Зоэ. — Она принесёт нам удачу!»

А еще они любили друг друга точно так же, как и в первый год ихпряного знакомства. И удивлялись, будто чуду: разве такое возможно? Но на двенадцатом году совместной жизни бросили задавать вопросы — толку-то, любовь — она или есть, или её нет.

Досадную неспособность воспроизвести новую жизнь Зоэ и Шавьер лечили при помощи секса, ведь это выходило у них абсолютно естественно. Сонное пробуждение, ажурная провокация, любовь на солёном пляже и шалости в общественных местах — любили много и с удовольствием, но дети всё равно не получались.

Шавьер говорил, что у его жены самое красивое и сексуальное тело, хотя откуда ему было знать? Любил он её лет с шестнадцати и других голых женщин видел только в эротических фильмах, которые иногда смотрел в сети. Но уверен был, что повезло ему невысказанно и что таких красивых «аманте» не существует больше во всей Португалии и даже во всей Вселенной.

И правда, Шавьер и Зоэ нравились друг другу. До дрожи в коленках, очень сильно. Во всяком случае, пожилая соседка, с которой приходилось делить каменный дом в Алгарве, стучала по ржавым трубам и грозила полицией всякий раз, когда молодые занимались безобразием. Любовь — и это она называла безобразием?

Но парочка не обижалась. Наоборот, Зоэ, возвращаясь с рынка или из супермаркета, всегда заносила на первый этаж пакет черешен или букет

из артишоков — бабулька любила фрукты. А Шавьер вообще говорил, мол, как жаль, наверняка и сеньора когда-то была цветастой, молодой и шумной, а потом её муж умер, и некому больше гладить морщины на ладонях и целовать пятнистые щеки.

Они и правда жить не могли друг без друга: иногда даже за обедом Шавьер просил жену раздеться. Зоэ поднимала футболку и сверкала кофейного цвета сосками, на радость мужу и на радость мальчишкам, которые прятались в растрёпанных кустах жимолости у дома.

Если бы Зоэ не ходила на работу, она точно все дни напролёт проводила бы в спальне. Во-первых, потому что любила мужа, а во-вторых, потому что очень надеялась забеременеть. Ей нравилось танцевать, устраивая стриптиз. Она медленно, как героиня из американского фильма, раздевалась и начинала двигаться перед зеркалом, в отражении которого угадывался силуэт сидящего на кровати мужа. В такт музыке гладила себя по смуглому животу, поворачивалась и так и этак, наклоняясь и поднимая ноги.

Танцевальная композиция завершалась всегда одинаково: голая Зоэ приближалась к мужу,

который сидел, затаив дыхание, и по выросшей до неприличных размеров ширинке на брюках становилось понятно, как сильно нравилось ему происходящее. Хотя какое может быть неприличие, когда мужчина и женщина так любят друг друга.

Но работу бросить Зоэ не могла — во времена кризиса это было бы совсем некстати. Она работала в одном из пятизвездочных отелей Вале-до-Лобо: убирала номера богатых туристов, которых в рыжий посёлок приводила страсть к гольфу и естественная симпатия к доступности португальских красоток. Шавьер трудился разнорабочим и писал романы. И в самой глубине души надеялся на издание хотя бы одной рукописи, которых к тридцати его годам накопилось почти несколько. Но издательства молчали, ничем не подтверждая гениальность Шавьера Сильвы, но в которой, тем не менее, совершенно не сомневалась его жена.

А как по-другому, ведь она его любила. Зоэ нравилось целовать одежду мужа, вдыхать его запах, не брезговала даже несвежими рубашками — такое безумство. Родная сестра её, увидев однажды, с каким удовольствием Зоэ нюхает мятые майки, покрутила пальцем у виска и сказала, что сестрица могла бы подыскать себе партнёра много

достойнее, намекая на богатых туристов, которые только и делали, что пялились на симпатичную попу Зоэ Сильвы. И еще добавила, что от муженька её, гения, толку совсем никакого — даже ребёнка сделать не может. После того случая Зоэ не разговаривала с сестрой больше года, помирились женщины только на Пасху.

Когда случались те несколько дней в месяц, которые перечёркивали надежду, Зоэ падала духом. Она грустила и ничего не хотела. Шавьер тогда бросал писанину и носился с женой, как с ребенком, ведь он её любил и всегда успокаивал, мол, да ну их, детей, только морока, тем более, у нас есть Сперанца, чем не ребенок. Зоэ, конечно же, успокаивалась и думала о том, что муж её — счастье и бесценный подарок, что бы там не говорили родственники.

Ей наплевать было на деньги и на послушную сестру, пусть та и разъезжала на новом авто из лиссабонского салона и советовала всякие ненужности. Для того чтобы почувствовать абсолютное счастье, Зоэ не хватало лишь малости: запаха детской макушки. Того бесподобного аромата вишнёвой смолы, цветущего дрока и печенья, размоченного в молоке.

Шавьер особенно любил, когда жена ходила по дому без нижнего белья, в легкомысленном платье, к примеру. Тогда он мог ласкать Зоэ, когда ему вздумается, и порой желание это оказывалось сильнее его страсти молотить по клавиатуре.

И о чудо — Зоэ забеременела. Шавьер, конечно же, обрадовался до неба: какое счастье видеть жену такой искрящейся и какая радость мечтать о сыне, который будет спать у него на руках. Зоэ наконец-то уволили с работы и вовсе не из-за беременности. Кому нужна хоть и трудолюбивая, но неприступная красотка, которая грубит руководству и нехорошо реагирует на вежливые приставания богатых сеньоров?

Теперь Зоэ сидела дома, готовила настоящие обеды и окружала заботой мужа, который с утроенной силой дописывал роман в надежде, что и его детище скоро появится на свет.

Секс стал редким и наивным, никаких стриптизов и никакой камасутры. Зоэ больше не хотела, чтобы муж привязывал её. Она не хотела надевать ажурные чулки и танцевать голышом. Шавьер, конечно же, всё понимал и занимался любовью нежно и трепетно, совсем как в первый раз.

А потом они потеряли ребёнка. Для Зоэ произошедшее стало тяжелым ударом — когда неожиданно и больно. Шавьер плакал ночами, тихо совсем, чтобы никто не слышал. Он ведь уже привык к долгим разговорам с bebè и даже зачитывал сыну главы из романа. Но хмурые ангелы, которые когда-то подарили Зоэ и Шавьера друг другу, как всегда, всё решили по-своему.

Врачи опять разводили руками и не могли понять, почему. Ведь Зоэ и Шавьер были абсолютно здоровы. И любили друг друга. И даже молодая цыганка, которую не понятно каким ветром занесло в их края, однажды, остановив Зоэ прямо на улице, нагадала ребёнка, несколько раз повторив «у тебя будет мальчик», — и та ошиблась.

Но увы, ни мальчика, ни девочки. После того случая Зоэ лежала несколько недель, скрюченная горем, и ничего не хотела. Ни себя, ни мужа, ни камасутры. Кружевное бельё, костюмы «а-ля порностар» задыхались в ящиках комода. Зоэ больше не трогала ширинку мужа, не провоцировала его прямо на переднем сиденье автомобиля и не натирала себя шелковым маслом — всё зря. А Шавьер худел: в доме только и слышно было, что стук по клавиатуре. Кто знает,

какие мысли и чувства ложились в ровные печатные строки.

Что опять взбрело в голову этим ангелам — объяснить невозможно. Но Шавьер поставил точку в романе, в Вале-до-Лобо наступило душистое лето, а Зоэ вышла из дому, чтобы пойти к эстетистке и в супермаркет. Горячий воск содрал прошлое вместе с ненужными волосами, а настоящее — вино, шампунь для нижнего белья и фрукты — всё уместилось в бумажный пакет.

Вернулась домой, открыла окна, выбросила треснутый вазон, в котором давно уже высохла герань. Развела в тазу пену «ванильные абрикосы», постирала все кружева, вызволенные из комода, после чего развесила под балконным солнцем. Откупорила бутылку, сняла джинсы и майку, надела еще влажные после стирки трусики и, как ей самой показалось, наполнилась смыслом.

Шавьер тем временем летел домой и спотыкался, даже больно ушибся локтем; но автобуса не стал дожидаться, так хотел поделиться радостными известиями: утром позвонили из редакции и сообщили, что его роман готовится к печати.

Счастливые, они до самой ночи сидели на террасе, пили вино, ели сыр и другую еду, которая нашлась в холодильнике. Чуть пьяные, благодарили и целовались. Любить — значить быть рядом, присутствовать в жизни, потому что большего, чем это, люди и не могут предложить друг другу, как бы там ни было. И верить, конечно же, нельзя переставать. Никак нельзя. Зоэ и Шавьер ни на минуту не усомнились в том, что чудо ходит за ними, наступая на пятки.

А соседка, почти столетняя сеньора Пьетра, поела черешни и устроилась на подушках. И даже не стала стучать костылями по батарее — на удивление возня сверху не раздражала, и вообще, ей казалось, что сегодня особый день. Правда, какой именно и почему особенный, не могла вспомнить. Вполне возможно, что сегодня исполнился какой-то её год, а она и забыла.

Она вообще обо всё забывала, кроме того, что муж её покойный любил сангрию. Поэтому, перед тем как уйти в спальню, всегда оставляла кувшин и стакан на столе. Муж приходил каждую ночь, выпивал немного вина, присаживался на край постели и начинал целовать ладони жены, которые давным-давно стали пятнистыми и которых сеньора

очень стеснялась. Но ему, похоже, было плевать. Они любили друг друга.

Ангел Света

Ангел говорила на не очень хорошем итальянском, да еще и с неаполитанским акцентом. Но даже для неё, для синьоры Франки, коренной жительницы Милана, такой же изысканной и блестящей, какими были её образование и камни в серьгах, всё это теперь не имело никакого значения.

Звали ангела красиво, но имя произносилось достаточно тяжело. Синьоре никак не удавалось выговорить «Све-гла-на», поэтому звала на итальянский манер — «Лу-чия». Ангел всячески противился, утверждая, что так зовут её дочку, а у неё самой обыкновенное человеческое имя, и что вовсе никакой она не ангел. На что синьора Франка смеялась и требовала скандальных подробностей, мол, как такое возможно, чтобы у ангелов рождались дети, а ну-ка, а ну-ка.

Светлана хмурилась: «Опять вы всё напутали, и в радиусе ста километров нет никаких эфирно-зефирных существ, да и вообще, не доказано, существуют ли они на самом деле, а я самая обыкновенная женщина, которая работает у

вас сиделкой». Но синьора поджимала губы и качала головой: «Нет-нет, уж мне виднее, и глазам собственным я верю больше, чем словам, даже пусть и ангельским».

Ангелу по имени Света ничего не оставалось, кроме как соглашаться и мириться: «Как хорошо вы смеетесь, как будто утренний воздух дрожит, только ради одного этого побуду я ангелом, так и быть».

Синьора Франка на старости лет научилась быть благодарной и считала, что ей вообще очень повезло в жизни. Ведь случилось с ней много всего хорошего: и подарки под елкой были, и любовь, и дети, и внуки. А теперь вот даже ангела приставили.

Светлана наливала тёплую воду в ванную, легко вынимала из кресла старушку, которая была кожа да косточки. Этой её клиентке повезло больше других, уж ей-то за десять лет работы «баданте» пришлось повидать всякого.

«Ты такая красивая, тезоро. Я и не думала, что у ангелов могут быть дети, сколько твоей?»

Некоторые люди со временем становятся никому не нужными, даже самым близким. Света задумывалась об этом всё чаще и просила Бога, чтобы не привёл, чтобы не стала и она такой — не нужной. И чувствовала, как сжимаются сердце, печень и другие органы при мысли о том, что и её дочка, её Лучик, однажды может искривить губы и побрезговать, если по подбородку матери неаккуратно потечет йогурт или какая-нибудь каша-овсянка.

Но синьоре Франке повезло, что уж говорить. Дети и внуки хоть и не баловали особо вниманием, зато необходимым обеспечивали. Всё у старушки было для комфортного существования: и несколько колясок, и специальные приспособления, и лучшие продукты, и лекарства, и сиделки, и даже остеопаты.

Но синьора уже иногда тяжело дышала и с грустью понимала, что настоящая жизнь — это, к примеру, проснуться утром, съесть пенку из капучино правнука Луки, прогуляться цветущими улицами города и завить волосы в салоне на площади. Но грусть проходила, как только вспоминала, что у неё и так всё это было уже, а теперь вот есть ангел.